

18. Спасская Л. Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за пятьдесят лет ее существования (с 1859 по 1909 год) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. – Вятка, 1909. С. 1-181.

19. Спицын А.А. Директора, инспектора и преподавателя Вятской гимназии (1811-1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С.53-130.

20. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. 621 с.

21. Фирсов Н.А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858. 86 с.

22. Фирсов Н.А. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник: Повременное издание. Кн.1. М., 1859. С.143-199.

23. Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений с приложением карты. Екатеринбург, 1879. 398 с.

УДК 37.014.22

ББК

ГСНТИ 03.01.07

Код ВАК 07.00.02

ТЗ(235.55)613-7

Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

**ИНДЕКС ГРАМОТНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УРАЛА В 1897 – 1939 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модернизация, переписи населения, неграмотность, образование, сельская школа, индекс грамотности.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется процесс культурной составляющей аграрного перехода с конца XIX в. до конца 1930-х годов на материалах уральской деревни. На основе исторических документов выявлены основные направления культурной трансформации деревни: ликвидация неграмотности, рост грамотности, становление и развитие системы школьного образования. Проанализированы количественные данные о школьной сети, состав учителей и учеников в уральской деревне, рассчитан индекс грамотности сельского населения Урала.

G.E. Kornilov

Yekaterinburg

**INDEX OF RURAL POPULATION LITERACY URAL 1897 -
1939 S.**

KEY WORDS: modernization, census, illiteracy, education, rural schools, literacy index.

ABSTRACT: This paper analyzes the process of the cultural component of the agricultural transition since the late nineteenth century, until the end of the 1930s on the materials of the Ural village. Based on historical documents identified the main directions of cultural transformation of the village: the eradication of illiteracy, increased literacy, formation and development of the school system. The quantitative data on the school network, the composition of teachers and students in the Urals village, designed literacy index of the rural population of the Urals.

Модернизация России конца XIX – начала XXI в. охватила все сферы жизни деревни. Развитие образования и грамотности явилось основным показателем культурной трансформации села. В последние годы активно дискутируется вопрос об уровне грамотности населения России в первую половину XX века. В докладе ставится задача исследовать индекс грамотности сельского населения Урала, привлекая для анализа репрезентативные материалы, в первую очередь данные переписей населения.

На рубеже XIX – XX вв. оживление экономической жизни вызвало потребность в грамотных людях. Неграмотность основной части населения Российской империи представляла собой существенную социальную проблему, разрешение которой было необходимым условием для поступательного развития общества. К началу XX в. в России сложились основные предпосылки ликвидации неграмотности: достижение всеобщей грамотности было осознано как важнейшая социальная задача, что было отражено в программах всех политических партий; ликвидация неграмотности была признана неотложной государственной задачей.

Показатель индекса грамотности населения Урала по данным всероссийской переписи 1897 г. составлял 23,9% для лиц от 10 лет и старше (15. С. 159 - 181). Доля грамотного населения в Пермской губернии составляла 19,2 % и была ниже, чем в среднем по России (21,1%). Грамотность крестьянства в сравнении с другими сословными группами была наименьшей. Существенное различие существовало в грамотности мужчин (26,4%) и женщин (8,8%) (6. С. X). Низкий уровень грамотности женского населения объясняется взглядом крестьян, что образование для женщин считалось лишним. Земским анкетным исследованием было выяснено, что «если громадное большинство населения относится сочувственно к обучению

мальчиков, то нельзя тоже самое сказать относительно обучения девочек». Некоторые из корреспондентов заявляли, что «обучать девочек каждую не стоит», «для чего бабе быть грамотной, ведь у печи с кочергой и ухватом много знания не требуется, а в солдаты баб не берут» (1. С. 34 - 35).

Данные об уровне грамотности населения в конце XIX в. являются отправными для изучения трансформаций в культурной сфере деревни. Структура сельских школ в стране была достаточно сложной, основным типом школ были земские и церковно-приходские, казачьи, магометанские и другие. Несмотря на крайне скудное финансирование сельских школ и бедственное материальное положение народных учителей в начале XX в. в России сформировалось достаточно четкое представление о развитии образования на селе.

Грамотность сельского населения Пермской губернии обуславливалась уровнем социально-экономического развития. Наиболее высокий процент фиксировался вблизи губернского центра, в Пермском уезде количество грамотных мужчин составляло 35,4 %, женщин – 14,6 %. Более высокая доля грамотных среди крестьян была характерна для уездов с развитой горнозаводской промышленностью. Данные подворных переписей 1899-1900 гг. фиксировали различный уровень грамотности в уездах губернии (3. С. 70 - 84). Наибольший удельный вес грамотных наблюдался в промышленно развитых – Красноуфимском, Верхотурском и Екатеринбургском уездах, наименьший – в сельскохозяйственном Шадринском и лесопромышленном Чердынском. Современники отмечали, что обучение не всегда гарантировало получение даже элементарных умений письма, чтения, счета, а полученные знания зачастую частично утрачивались, что приводило к феномену полуграмотности (21. С. 85).

Росту образования в среде крестьянства способствовало вовлечение крестьян в сферу рыночных отношений в самых разнообразных формах, в том числе в виде отхода на постоянные или временные заработки, что свойственно для промышленно развитых территорий (9. С. 44). Побудительными мотивами получения образования выступали сугубо утилитарные цели: необходимость элементарных хозяйственных подсчетов, участие в делах общества, льготы по отбыванию воинской повинности, для поступления на службу и торговли.

Развитие школьной сети, в первую очередь за счет земства, способствовало росту грамотности в крестьянской среде. Так, в Екатеринбургском уезде уровень грамотности населения повысился с 9,2 % в 1887 г. до 28,2 % в 1912 г. Для мужчин этот показатель составил 38,8 %, для женщин – 17,6 %. Если учитывать грамотность населения старше 8 лет, то в 1912 г. для мужчин она достигла 51,0 %, для женщин – 23,2 %. В возрасте 8—10 лет получали начальное образование 74,0 % мальчиков и 43,5% девочек. По типам школ учащиеся распределялись следующим образом: в земских школах обучались – 74,0 %, министерских – 5,2 %, церковно-приходских – 10,0 %, других учебных заведениях – 10,8 % (9. С. 46).

Земские статистиками полагали, что наиболее важным фактором, задерживающим распространение грамотности, являлась потребность крестьянского хозяйства в рабочей силе подростков и детей. Рост трудовой обеспеченности хозяйства вызывал определенное увеличение грамотности, причем возрастание грамотности мужского пола было более явным, чем женского. Уровень грамотности, во многом определявший потенциальные возможности хозяйственного развития, варьировался в зависимости от степени промышленного развития территории, а также – обеспеченности хозяйства трудовыми ресурсами.

Основываясь лишь на энтузиазме общественности, без должной поддержки государства задача повышения уровня грамотности сельского населения не могла решаться эффективно. Созданных школ обучения грамоте сельского населения до 1917 г. было явно недостаточно, несмотря на то, что просветительская деятельность земства способствовала её активизации. Более трех четвертей сельского населения Урала к 1917 г. оставалась неграмотной. Наиболее широкий размах процесс внедрения школьного обучения и ликвидации неграмотности взрослого населения приобрел только в годы Советской власти.

Преобразования в деревне 1920-30-х годов осуществлялись во взаимосвязи с так называемой культурной революцией, ее целью было социалистическое переустройство деревни и формирование нового класса колхозного крестьянства, послушного и подчиненного властям. Процессы индустриализации и урбанизации затронули деревню, подрывая сельский уклад жизни и способствуя переходу от традиционной культуры к урбанистической. Анализ исторических

документов показывает, что в 1920 - 30-е годы, в образе жизни крестьянства, его представлениях чётко проявилось действие двух противоположных тенденций. Первая связана с постепенным угасанием и порой исчезновением традиционных форм жизнедеятельности и заменой их новыми, характерными для горожан. Среди них: появление сферы общественного обслуживания, государственно-правовое регулирование труда и быта, новые формы досуга: лекции, радио, кино, военно-физкультурная деятельность, художественная самодеятельность и, конечно же, развитие системы народного образования. Для второй тенденции характерно воспроизводство старых традиционных для деревни способов мышления и жизнедеятельности. Действие этой тенденции заметнее проявлялось в психологическом климате села, формах социальной организации жизни.

Установление нового социалистического способа производства, рост военной экономики, достигнутые на базе индустриализации и коллективизации, были, как это не парадоксально, основой для быстрого культурного преобразования деревни. Из года в год росли расходы государства на развитие просвещения. Культурное строительство на селе требовало огромных затрат, поэтому в 1930-е годы широко привлекались средства сельского населения (в виде культсбора) и сельскохозяйственных артелей, которые отпускали часть своих доходов на подготовку кадров и другие культурно-бытовые цели (строительство и содержание детсадов, яслей, школ, библиотек). Культсбор среди всех налоговых платежей сельского населения составлял 21-28%. За годы только третьей пятилетки расходы колхозников Урала на культурные нужды выросли с 29,6 млн руб. в 1938 г. до 39,8 млн руб. в 1940 г., что составляло соответственно 3,7 и 4,1% от всех расходов и отчислений сельхозартелей (И. Д. 411. Л. 18,33; Д. 3533. Л. 23 - 25). Увеличение государственных расходов на социально-культурные мероприятия было решающим условием культурного и школьного строительства в уральской деревне.

В 1920- 30-е годы был осуществлен рывок по ликвидации неграмотности сельского населения Урала. Необходимость её в значительной степени обуславливалась экономическими потребностями общества. Во-первых, форсированная индустриализация требовала притока грамотных работников,

основным источником которых было неграмотное или малограмотное крестьянство. Во-вторых, создание боеспособной армии, необходимой для обеспечения безопасности страны, требовало обучения грамоте населения призывного возраста. В-третьих, грамотность населения вызывалась необходимостью обеспечения политико-идеологического воздействия на общественное сознание через систему средств массовой информации, прежде всего через периодическую печать. Ликвидация неграмотности признавалась неотложной государственной задачей.

В деревнях открывались школы для неграмотных и малограмотных, расширялась сеть школ для взрослых. В Оренбургской области до 1917 г. была одна школа для взрослых, в 1938 г. только на селе функционировали 356 стационарных школ для неграмотных с 8,2 тыс. обучавшихся, 381 - для малограмотных с 7,8 тыс. человек, 33- неполных средних и средних школы для взрослых с 1,2 тыс. учащихся (22. Д. 919. Л. 41). По переписи 1939 г. в общеобразовательных школах для взрослых и школах для неграмотных и малограмотных обучалось в сельской местности Урала 41,4 тыс. человек (46% из них в возрасте 18-29 лет, 34% – 30 - 39 лет). Число обучавшихся в школах для взрослых в 1938/39 учебном году по сравнению с 1934/35 учебным годом выросло в 7,8 раза, а в сельской местности - в 17,3 раза (10. Д. 824. Л. 31, 32; Д. 306. Л. 7; Д. 331. Л. 7; Д. 334. Л. 5; Д. 336. Л. 7; Д. 350. Л. 7, 13; Д. 900. Л. 22; 23. С. 25). Особенно интенсивная работа по ликвидации неграмотности проводилась среди молодежи допризывного возраста, чтобы обеспечить грамотное пополнение Красной армии.

Вместе с работой по ликвидации неграмотности местные власти решали задачи школьного строительства, повышения образовательного уровня сельских жителей. В годы первой пятилетки в основном была решена задача осуществления всеобщего обязательного начального образования, которое было введено постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. (4. С. 110 - 113). Всеобуч стал всенародным делом, что и определило его успех (8. С. 105 - 131). Таблица 1 свидетельствует о значительном скачке в численности учителей и учеников сельских школ на Урале в начале 1930-х годов. В годы второй пятилетки проводилась работа по введению обязательного 7-летнего образования, а в 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) поставил задачу завершения этой работы. Для уральской

деревни этого времени был характерен огромный размах школьного строительства. Увеличение сети сельских школ, учащихся и учителей показано в табл. 1.

Таблица 1

Школьная сеть и количество учащихся и учителей в сельской местности Урала в 1914 – 1941 гг. (4. С. 21; 10. Д. 798. Л. 30, 41, 46, 48, 50, 63; Д. 799. Л. 28, 39, 44, 46, 48, 61)

	1914/15	1927/29	1932/33	1937/38	1940/41
Всего школ	7630	8455	12801	12938	14025
в т.ч.: начальных	7602	8128	11703	10840	11096
неполных средних	28	162	1093	1793	2370
средних	-	18	3	284	545
Всего учащихся (тыс.)	509,3	552,8	1038,8	1492,8	1686,4
в т.ч.: 1-4 классов	н.св.	533,5	919,6	1152,8	1160,9
5-7 классов	н.св.	18,3	118,8	323,5	469,8
8-10 классов	н.св.	1,0	0,4	16,5	55,7
Всего учителей (тыс.)	11,8	15,4	30,2	45,2	59,5

В деревне были созданы необходимые минимальные условия для обучения детей. Количественные показатели были впечатляющими: число школ увеличилось с 1914 до 1941 гг. в 1,8 раза, учащихся – в 3,3 раза, учителей – в 5 раз. При этом темпы школьного строительства в уральской деревне были выше, чем по РСФСР (5. С. 48, 49). Значительно изменилась структура сельских школ. Если в 1914 г. практически все сельские школы на Урале были только начальными, то в 1940 г. они составляли среди всех школ 79%, до 17% выросла доля неполных средних школ. В 1920-е гг. на селе появились средние школы, к 1932 г. их число сократилось из-за реорганизации в техникумы и другие средние учебные заведения подготовки кадров, а после 1932/33 учебного года, страшного голода вновь развернулось их строительство, особенно активно - в мирные годы третьей пятилетки.

Школы в сельской местности размещались неравномерно. В Оренбургской области одна сельская начальная школа обслуживала в среднем 3, неполная средняя школа – 11, средняя школа – 40 населенных пунктов (22. Д. 120. Л. 4). Отдаленность от дома была большим неудобством для сельских учащихся. Кроме того, значительная часть сельских школ располагалась в приспособленных помещениях, занятия проводились в две-три смены. Несмотря на трудности, охват всеобщим начальным образованием сельских детей был почти полным. В предвоенные годы предпринимались попытки перехода ко всеобщему обязательному семилетнему образованию.

Более быстрыми темпами, чем рост школ, шло увеличение учащихся – в уральской деревне в 3,3 раза, по РСФСР – в 2,25 раза. Непрерывно росло на селе количество учеников 5 – 7 классов, на Урале в 1940/41 уч. г. их училось в 25,7 раза больше, чем в 1927/28 уч. году, по РСФСР - в 11,3 раза. В 1940 г. они составляли 28% среди всех учащихся сельских школ. В сельской местности Удмуртии в 1939 г. охват детей пятью классами составлял 85,1% от числа окончивших 4-й класс, в восьмые классы были приняты 32,1% от окончивших 7-й класс (20. С. 31). Быстрыми темпами росло число учащихся 8 – 10 классов.

Благодаря широко развернувшейся подготовке преподавателей, сельские школы региона были обеспечены учительскими кадрами. Их число увеличилось с 1914 по 1941 гг. в уральской деревне в 5 раз, по РСФСР – в 4,2 раза. Однако уровень их подготовки был невысоким. Весной 1940 г. была проведена аттестация учителей. Около 5% учителей Свердловской области по ее итогам были освобождены от работы с детьми. Из 15238 учителей области только 5,7% имели высшее образование, 14,1% - незаконченное высшее, 36,7% - общее среднее и педагогическое; 43,5% учителей не имели среднего образования (2. Л. 1, 2). В целом по сельским школам Урала каждый третий учитель имел только низшее образование (в объеме начальной школы). Достаточно низкий уровень образования учителей, безусловно, влиял на качество обучения.

В целом же сельские учителя, работая в сложных условиях, успешно решали задачи обучения. В 1939 г. впервые за успехи в учебно-воспитательной работе Президиум Верховного Совета СССР наградил большую группу сельских учителей Урала орденами и медалями. Самую высокую награду – орден Ленина получили 32 учителя, среди них Н.А. Алексеева, Р.Х. Ахмадулин, Г.И. Голов, А.М. Дерябина, Е.А. Королева, А.С. Кугубаев, А.Ф. Метелев, И.И. Фирсов, П.Ф. Худякова, М.В. Шутов и другие. 64 учителя были награждены орденом Трудового Красного знамени, 75 – орденом «Знак Почета», большая группа сельских учителей удостоилась медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» (7).

Таким образом, школьная сеть, т.е. базовая инфраструктура: материальная в виде школьных зданий, учебных пособий; кадровая в виде квалифицированных учителей на местах, в 1930-е гг. покрыла всю территорию Урала.

Материалы Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. дали возможность рассчитать индекс грамотности и состояние грамотности сельского населения Урала по всем основным демографическим признакам: возрасту, полу, национальности (данные в административных границах 1939 г.).

Таблица 2

Индекс грамотности сельского населения Урала по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г. (% грамотных в соответствующем возрасте, в административных границах 1939 г.)
(5, с. 21; 14, Д. 306. Л. 5; Д. 323. Л. 5; Д. 331. Л. 5; Д. 334. Л. 4; Д. 336. Л. 5; Д. 350. Л. 5)

Республика, область	Пол	9-19 лет		20-49 лет		9-49 лет		50 лет и старше	
		1926	1939	1926	1939	1926	1939	1926	1939
Башкирская	муж	57,1	97,7	64,0	88,3	61,0	92,4	29,5	48,7
	жен	31,3	96,2	24,0	65,5	27,1	77,0'	6,1	21,3
	всего	43,7	97,0	42,3	75,9	42,9	84,6	16,3	32,3
Оренбургская	муж	57,9	98,1	75,1	91,7	67,5	94,3	41,2	63,8
	жен	32,9	96,8	29,1	66,8	30,6	78,2	8,3	18,7
	всего	45,0	97,4	50,2	78,3	48,0	85,9	22,3	36,1
Пермская	муж	72,0	97,2	77,1	92,0	74,9	94,0	32,9	53,0
	жен	46,7	96,0	36,0	67,0	40,0	77,3	5,6	14,4
	всего	58,7	96,6	53,4	78,2	55,5	85,0	17,8	29,6
Свердловская	муж	71,0	96,9	76,6	41,9	74,3	93,9	35,0	56,9
	жен	45,6	96,3	35,2	68,5	39,2	78,6	6,5	17,1
	всего	58,0	93,6	54,0	79,3	55,5	85,8	19,2	32,5
Удмуртская	муж	64,4	98,1	69,8	92,7	67,4	94,8	23,9	46,6
	жен	33,2	97,0	22,3	61,8	26,5	74,4	2,8	9,6
	всего	48,3	97,5	42,9	75,8	45,1	83,9	12,3	24,3
Челябинская	муж	62,1	97,0	72,2	90,6	67,8	93,2	35,2	54,6
	жен	35,4	96,3	28,8	66,1	31,4	77,4	6,3	15,6
	всего	48,4	96,6	48,1	77,2	48,2	84,8	18,8	30,1
СССР	муж					67,3	91,6		

жен	35,4	76,8
всего	50,6	84,0

Как свидетельствуют данные табл. 2, в уральской деревне в период между переписями населения произошли коренные изменения в области ликвидации неграмотности. Значительный рост удельного веса грамотных в сельской местности Урала наблюдался среди всего населения, по всем возрастным и половым группам. Ликвидация неграмотности на Урале шла более высокими темпами, чем в целом по стране. Если в 1926 г. уровень грамотных в деревнях в возрасте 9-49 лет только в Пермской и Свердловской областях превышал общесоюзный, то в 1939 г. по всем районам региона, кроме Удмуртии, индекс грамотности был выше, чем в среднем по РСФСР и СССР.

Изменились пропорции уровня грамотности по возрастным группам. По переписи 1926 г. наиболее высокая доля грамотных была зафиксирована в возрастной группе 20-49 лет, в 1939 г. – в возрасте 9-19 лет. К концу 1930-х годов сложился резкий разрыв по грамотности между молодежью и старшим поколением (50 лет и старше). Этот разрыв охватывал не только количественные показатели. В 1930-е годы наблюдалась и глубокая дифференциация по возрастным группам в уровне образования. Это результат коренной ломки социальных отношений в деревне. Грамотная сельская молодежь определяла адаптацию жителей деревни к урбанистической культуре, способствовала освоению новых культурных привычек, норм и представлений.

Особенно высок был рост грамотных среди женщин, их число приближалось к грамотным мужчинам сельской местности. При одинаковой доступности образования для обоих полов, мужчины, вследствие того, что раньше и активнее вовлекались в процесс общественного производства, сохраняли еще более высокий уровень грамотности. Практически на протяжении жизни одного поколения была преодолена одна из сторон социального неравенства – ограниченный доступ женщин к образованию, к культуре. Доля грамотных, как среди мужского, так и среди женского сельского населения Урала в 1939 г. была выше, чем по стране в среднем: соответственно - среди мужского 93,5 и 91,6 и среди женского 77,4 и 75,8%. Обучение женщин было наиболее сложным, поскольку являлось частью радикальных преобразований всей системы

гендерных отношений в российском обществе. Ликвидация неграмотности среди женщин в определенной степени была продиктована экономической необходимостью, поскольку они составляли значительную часть трудоспособного населения и без их участия в производстве невозможно было осуществить масштабные экономические преобразования. Обучение грамоте женщин и учеба девочек в школах рассматривались как важная социальная задача и её необходимое условие достижения реального равенства женщин с мужчинами и превращения их в активную социальную силу.

В период между переписями проявилась еще одна особенность культурного строительства - темпы ликвидации неграмотности среди сельского населения региона были выше, чем среди городского. Это позволило сократить резкую разницу между городом и деревней по индексу грамотности. Если в возрастной группе 9- 19 лет различие было уже мало существенно, то в других возрастных группах оно продолжало сохраняться. Так, в 1939 г. грамотных в возрасте 9 - 49 лет среди горожан Урала было 92,9%, среди селян - 85,0%.

Существенно сократился разрыв в грамотности среди различных народов, проживавших в уральской деревне. При этом следует заметить, что некоторые народы в начале XX века были сплошь неграмотны, не имели своей письменной культуры. Ликвидация неграмотности среди ранее отсталых народов шла высокими темпами.

Перепись населения 1920 г. зафиксировала грамотных среди русского населения уральской деревни 22-24%, украинского – 23-25%, белорусского – 29-34%, татарского – 17-20%, башкирского – 5-8%, мордовского – 15-24%, казахского – 4-5% (16. С. 22-24; 17. С. 8 – 9; 18. С. 56–58; 19. С. 6, 7). Перепись 1939 г. зафиксировала огромные перемены. Грамотных среди сельского населения Урала в возрасте 9-49 лет было: 87% русских, 92,4% украинцев, 89,5% белорусов, 83% татар, 80% удмуртов, 79,9% башкир, 77,8% мордвы, 77,1% коми-пермяков, 51,1% казахов (12. Д. 306. Л. 11; Д. 323. Л. 10; Д. 331. Л. 10; Д. 334. Л. 8; Д. 336. Л. 11, 12; Д. 350. Л. 9). Это, безусловно, был большой успех, хотя различия в уровне грамотных среди различных этносов еще сохранялись. Кроме того, грамотным считался человек, умеющий читать, хотя бы и очень медленно. Лиц, которые умели только подписывать свою фамилию, а читать совсем не умели, записывали неграмотными.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что неграмотность подавляющей части трудоспособного населения России была преодолена. В результате деятельности государственных и общественно-политических организаций индекс грамотности населения на Урале к концу 1930-х годов был выше, чем в среднем по СССР. В то же время перепись 1939 г. показала, что грамотность населения, особенно сельского, ещё не была сплошной. Неграмотными оставались только те категории населения, которые в силу объективных причин не могли овладеть грамотой (в основном пожилые люди, не способные учиться, или малограмотные, потерявшие навыки чтения). На Урале, как и по стране в целом, к концу 1930-х гг. ликвидация азбучной неграмотности сельского населения, особенно взрослых, была в основном завершена.

Источники:

2. Государственный архив Свердловской области. Ф. 233. Оп. 3. Д. 1249.
4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917 – 1973 гг. М., 1974.
5. Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сб. М., 1971.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.
7. Правда. 1939. 5 - 13 мая.
10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 17.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336.
16. Статистический сборник по Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923.
17. Статистический сборник по Оренбургской губернии. 1923. Оренбург, 1923.
18. Статистический сборник Челябинской губернии за 1920-1923 гг. Челябинск, 1923.
19. Статистический справочник по Вятской губернии. 1925 г. Вятка, 1926.
20. Третья сессия Верховного Совета Удмуртской АССР. 15 – 17 июля 1940 г.: стенограф. Отчет. Ижевск, 1940.
21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Пермская губерния. Вып. 30. СПб., 1903.
22. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННЮО). Ф. 371. Оп. 3.

Литература:

1. Бобылев Д.М. Какая школа нужна деревне (отзывы крестьян о школе). По материалам статистического исследования Пермского губернского земства. Пермь, 1908.
3. Грачев К.В., Кирьянов И.К. Рост образовательного уровня крестьянства Урала в капиталистический период // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII – начало XX в.). Пермь, 1986.
8. Попов М.В., Протасова Э.Е., Бахтина И.Л., Мосунова Т.Г. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920 – 1941 гг. Екатеринбург, 2009.
9. Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XX – начале XX века. Екатеринбург, 2014.
15. Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург, 2011.